

Илахи-наме – «Божественная книга» Фарид ад-Дина 'Аттара (XII-XIII вв.)

Второй сын. Беседа шестая. Рассказы 5-9.*

Вступление, перевод и комментарий Л.Г. ЛАХУТИ

Шестая «Беседа» посвящена теме волшебства: сын больше всего на свете хотел бы научиться этому искусству. Это – его главное желание, а своим желанием, уверен сын, человек противиться не в силах. Отец старается убедить его, что способность менять свой облик не приносит человеку свободы. Ключевые слова первых **пяти** рассказов этой «Беседы»: *dard* – боль, любовь, стремление, *sūz* – сгорание, мука; прошедший эти первые два состояния становится невидимым – *nāpadīdār*, исчезнувшим – *gum šuda*. Эти слова, так же как и упоминание виселицы (*dār*), подготавливают читателя к следующему рассказу – о казни Мансура Халладжа¹. Свое единение с Богом – или свое уничтожение в Боге – Халладж выразил в знаменитом восклицании «*ана-л-хакк*», т.е. «Я – Истина» (или: «Я – Истинный Бог»), стоившем ему жизни.

Для 'Аттара Халладж был образцом любящего, который свою любовь удостоверяет печатью страдания и смерти:

Сколько тысяч путников притязали на любовь к Тебе!
Но печать в перстне Твоего пути – это Мансур!²

От своих слов Халладж не отрекся до конца: «Когда Халладж взошел на виселицу / Кроме слов “Я – Истина” с языка его ничто не сходило. // Поскольку языка его не понимали, / Отрубили ему руки и ноги». У Халладжа «не было ни на волосок страха», и он с готовностью совершил «омовение собственной кровью»³.

В беседах с первым сыном отец старался показать ему разницу между формальной, ритуальной, чистотой и чистой подлинной, то есть чистой сердцем⁴. В рассказе о Мансуре Халладже эта тема раскрывается уже на новом уровне.

Рассказ пятый: о Мансуре Халладже на виселице

2125 Когда отрубили на виселице
Обе руки Халладжу так жестоко,
То кровь, хлынувшая из его рук,
Залила ему лицо и предплечья⁵.
Ему сказали: «О [муж] смятенной судьбы!
Зачем ты залил свое тело кровью?»⁶
Он так сказал: «Познавшему тайну любви,
Перед молитвой надобно омовение кровью.
Ибо если не совершишь омовение кровью,
Не будет твоя молитва чистой»⁷.

***

2130 Иди мужественно на улицу возлюбленного,
Не бойся суда никого из сотворенных,

Ибо то сердце, которое сильно Сущим,
Не боится *порицаний порицающих*⁸.
Приди мужественно, стой в деле Божиим,
Не внимай иным, [чем Бог], будь принадлежащим Другу!
Сколько тебе кружить по миру, словно небосвод!
Мужественно поднимись над своеволием,
Ибо если твоя любовь будет немужественной,
То от стыда все твои суставы скует болью.
2135 Много было львов, обладавших силой,
Которых сила любви обращала в муравьев!
Ты, что силой и мощью меньше муравья,
Как ты сможешь появиться перед [лицом] любви?!⁹

* Продолжение. Начало см. в Ирано-Славика, 2006, №1(9), с. 20-23; 2008, №1(15), с. 27-41; №3(17), с. 20-23; 2008 № 4(18), с. 38-42; 2009, №1(1-2), с. 47-51; 2010, № 1(21), с. 53-57; 2010, №2(22), с. 46-47; 2012, № 1-2(24), с. 9-13; 2014, №1-2(25), с. 19-24. Перевод выполнен по изданию: *Attār: Pāhī-nāmeḥ* / Изд., введ., комм. Ф. Рухани. Техран, 1339/1960.

Рассказ шестой: о любви Маджнуна

Маджнун – арабск. «одержимый», «безумец» (то же, что и в перс. диване); такое прозвище получил арабский поэт Кайс ибн Му'азз, или Кайс ибн ал-Мулаввах, за свою страстную любовь к Лайли (Лейли), девушке из другого племени. История любви и смерти Маджнуна и Лайли – одна из самых популярных на Ближнем Востоке, где «предания о Маджнуне <...> давно слились с фольклором, и образы двух несчастных влюбленных с раннего возраста являются близкими и привычными друзьями

2140 Стоило лишь Маджнуну увидеть шатер Лайли,
Не мог вынести он этого и убежал¹²,
Лицо его желтело, как шафран,
Все волоски на теле становились копьями,
На все его тело нападала дрожь,
Словно у лисы, повстречавшей свирепого льва.
Ему сказали: «О пребывающий в отделенности!
Никто не видел подобного тебе храбреца.
Ты не боишься льва в чаще,
Ты никогда и не думал о леопарде,
Ты скитаешься по степям и горам,
Ты, мужественный, не боишься ничего в мире –
А как увидишь шатер Лайли,

даже и неграмотных»¹⁰. Суфии очень рано начали использовать историю Лайли и Маджнуна для выражения своих идей. Так, уже в X в. Худжвири в главе «Споры по поводу понимания единства как отрицания отделенности» приводит пример Маджнуна, который «настолько сосредоточил свои мысли на Лейли, что в целом мире видел лишь ее одну и все твари Божии в его глазах имели облик Лейли»¹¹. Ахмад Газали в «Саваних» не раз обращается к этому сюжету (см., напр., примеч. 12).

Желтеешь и дрожишь, словно тополь!»
2145 Вот как ответил горестный Маджнун:
«[Пусть] человек не боится двух миров –
Взгляни, каково могущество льва любви –
Он, словно муравья, бросает его себе под ноги.
Природная сила человека
Перед силой любви – [всего лишь] ветер».

***

Если ты станешь мужем [достойным] этих слов,
Станешь ты собеседником этого кипариса.
Когда влюбленный, пройдя испытание, станет явен,
Примет его вечный Возлюбленный.

Рассказ седьмой: о прекрасном отроке и дервише

Был один прекрасный луноликий отрок,
Один его волосок был благоуханнее всего мускуса в мире.
На кончиках его локонов была [буква] «даль»,
Этот «даль» сулил одни лишь беды¹³.
Глядя на себя в зеркало, он видел луну,
Его губы соперничали с рубином.
Поскольку бровями он постоянно охотился на сердца,
Указ об этом постоянстве был утвержден.
2155 Его уста были киноварным джазмом,
Тот джаз был вакфом двадцати девяти харфам¹⁴.
Так он был тесен, что и харфа не вмещал,
Конечно, и двадцати девяти в нем было тесно¹⁵.
Перлы были ему [рабами] с проколотым ухом,
У Луны в ухе было кольцо [с его именем]¹⁶.
Некий дервиш был сражен любовью к нему.
Сердце этого дервиша обливалось кровью.
Когда горячая любовь ввергла его в огонь,
От огня воспламенились все его суставы.
2160 Когда же наконец его терпение иссякло,
Пришел к этому всесветному красавцу,
Сказал ему: «От моей болезни нет лекарства,
Потому что нет мочи жить без тебя.
Без тебя мне и мига жизни не надо.
Во мне уж души не осталось. Остальное ты знаешь.
Если смилуешься надо мной, я упаду у твоих ног,
Если убьешь меня – я пребуду [живым]¹⁷.
Мне без тебя ни терпения не остается, ни силы,
Сделай все, что хочешь, поспеши!»
2165 Когда отрок услышал от влюбленного эту тайну,
Сказал ему: «Если ты готов отдать свою жизнь,
Испытаю тебя тяжелым испытанием,
Увижу достоинство и цену твоей души».
Когда дервиш услышал эти слова, он вскочил,
Как огонь, воспламенился, как дым, взлетел.
Отрок тут же вскочил на коня,

Помчался в степь, прочь от людей.
Накинул веревку на шею дервиша
И погнал коня во весь опор.
2170 Помчался конь, а дервиш
Побежал за ним с веревкой на шее.
Много тот гонял его во все стороны,
Много всячески его мучил,
А когда заставил набегаться,
Потащил в степь, полную колючек.
Этот несчастный был изранен в сотне мест,
В ноги впились тысячи колючек, подобных розовым шипам.
Когда возлюбленный узнал, что в его сердце, –
Что этот влюбленный полностью предан любви¹⁸,
2175 Что нет в нем похоти, он чист,
Достоин тайны любовной игры¹⁹, –
Тогда спустился с коня этот украшающий мир,
С любовью положил его ноги к себе на колени.
Своими руками мучительные шипы один за другим
Целый день вытаскивал из его ног.
В своем сердце говорил себе страдающий влюбленный:
«О если бы каждый этот шип был сотней шипов!
Ведь если бы на теле было больше ран,
Моему сердцу было бы больше покоя и утешения».
2180 Говорил он эти слова в своем сердце тайно,
А из каждой колючки расцветала тысяча роз:
«Если бы не было этих колючек в моих ногах,
Я не был бы в объятиях этого отрока!»

***

Если в твоих ногах шипы ради Друга,
То каждый из них – розовый сад, а не шип.
Призывай его имя, пока не будешь убит
И пока все твое тело не будет в крови.
Если его имя выпьет твою кровь, то он
Ради твоей крови взглянет на тебя.

Рассказ восьмой: о незрячем человеке и шейхе Нури²⁰

Шел по дороге один слепец,
Который постоянно повторял: «Аллах!»²¹
Когда Нури услышал от него имя Истинного,
Подбежал к нему в нетерпении,
Сказал ему: «Ты что, знаешь Его?
А если знаешь, почему ты жив?»
Сказал так и словно впал в иступление,
Ты сказал бы, его томящаяся душа покинула тело²².
2190 Пламеня, он устремился в степь,
А на его пути были срезанные тростники.
Он так изранился в тех зарослях,
Что все его тело было изрезано.
Наконец столько крови вышло из его тела,
Что его душа вышла вместе с кровью.

Посмотрели на него и увидели, что он мертв,
Всё вокруг было в его крови.
Кровью из груди этого убитого на пути
На верхушке каждого тростника было написано: «Аллах».
***

2195 Вот так надо слушать пение тростника:
Принять смерть от тростника и опочить в крови²³.
Когда ты услышишь имя Друга, стань таким же,
Каждой своей частицей стань океаном огня.
Если ты в Любви не проиграешь свою душу,
Эта твоя Любовь останется метафорической.
Если в Любви ты будешь человеком Тайны,
Любовь твоя будет правдой, и ты отдашь свою жизнь²⁴.

Рассказ девятый: о шейхе Абу-л-Касиме Хамадани²⁵

2200 Однажды 'Абу-л-Касим Хамадани
Внезапно покинул Хамадан²⁶.
Он подошел к языческому храму, и высматривающих [что-то]
Увидел людей, стоящих перед этим храмом.
Увидел там на огне котел с маслом,
Бурлящим, как вспененное море.
Через некоторое время пришел какой-то христианин,
Склонился в поклоне перед этим идолом²⁷.
Спросили у него: «О смиренный!
Кто ты для Бога?» Он ответил: «Раб».
2205 Ему сказали: «Тогда клади скорее свой дар».
Он положил дар и умчался, словно дым.
Пришел другой, сделал то же самое,
И тем же порядком еще десять человек.
Пришел, наконец, другой,
Пришел обессиленный и сам не свой²⁸.
Был он изнуренный, иссохший, желтый и тощий,
Ты сказал бы, то был мертвец на [смертном] одре.
Его спросили: «Кто же ты такой?
Ведь ты словно живой мертвец!»
2210 Он так ответил: «Я – клочок кожи,
Я – друг моему Богу!»²⁹
Когда сказал он это, они сказали: «Сядь».

Он радостно сел на золотое сиденье.
Мигом принесли то масло
И опрокинули ему на темя.
Из-за кипящего масла тот несчастный
Сразу же уронил к ногам чашу своей головы³⁰.
Когда эта черная чаша упала,
Его сразу целиком сожгли,
2215 Чтобы пепел, который получится из его праха,
Сделать лекарством от любой болезни.
Когда шейх увидел это, он убежал из обители,
Много он размышлял обо всем этом.
Сказал он в сердце своем: «О занятый игрой!
Когда христианин пришел к любви метафорической,
Он ради этой любви проиграл жизнь.
Если твоя душа – обладатель Тайны,
То и ты ради истинной любви будь таким,
А иначе – присоединись к гермафродитам!»³¹

Коли он в любви к идолу таков,
То, раз ты верен любви к Истинному,
Распрощайся с жизнью – или распрощайся с верой –
Если того не можешь сделать – это сделай».

Литература

1. 'Аттар 1980 – Divān-i 'Aṭṭar. Ed. Taqī Tafazzulī. Tehran, 1339/1961.
2. 'Аттар 2004 – *Šayx Farīd al-Dīn Muḥammad 'Aṭṭār Nišābūrī*. Mantiq at-ṭayr, ed. M. R. Šafī'ī Kadkanī. Tehran, 1383/2004
3. 'Аттар 2007 – *Šayx Farīd al-Dīn Muḥammad 'Aṭṭār Nišābūrī*. Taẓkirat al-awliyā'. Barrasī, taṣṭiḥ-i matn, tawẓiḥāt va fahāris: Muḥammad İsti'lāmī. Tihrān, 1386/2001.
4. Бертельс 1962 – *Бертельс Е.Э.* Избранные труды. Низами и Фузули. М., 1962
5. Газали 2002 – *Абу Хамид Мухаммад ал-Газали ал-Туси*. Кимийа-йи са'дат (Эликсир счастья). Ч. 1. СПб., 2002.
6. Газали 2006 – *Ġazālī Aḥmad. Savāniḥ // Kašānī M. Šurūḥ-i savāniḥ (si šarḥ bar savāniḥ-i Aḥmad Ġazālī, 'ārif-i mutavafā-yi 520 H/)*. Jild-i 1. Muḥaqqiq Mujāhid A. Tehran 1372. <http://www.noorlib.ir/View/fa/Book/BookView/Image/19122>
7. ИЭС – Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991.
8. Кныш 2004 – *Кныш А.Д.* Мусульманский мистицизм. М.-СПб.: «Диля», 2004.
9. Коран – Коран. Перевод с арабского и коммент. И.Ю. Крачковского. Изд. второе. М., 1986.
10. Рейснер, Чалисова 1998 – *Рейснер М.Л., Чалисова Н.Ю.* «Я емь Истинный Бог»: образ старца Халладжа в лирике и житийной прозе 'Аттара // Семантика образа в литературах Востока. Сборник статей. М.: «Вост. лит.», 1998. Сс. 121-158
11. Риттер 1978 – *Ritter H.* Das Meer der Seele. Leiden 1978.

Примечания

1. Абу-л-Мугис ал-Хусайн б. Мансур ал-Халладж (ок. 858–922), первый суфийский «мученик любви к Богу», казнен в 309/922 г. В антологии 'Аттара «Поминание друзей Божиих» Халладжу посвящена отдельная глава [Аттар 2007. С. 508-519].
2. 'Аттар 1980. Газель 96.
3. 'Аттар 2004. С. 335.
4. См. напр.: «Рассказ о Бу Са'иде, а также о суфии и псе» [Ирано-Славика. 2008. №15. С. 38].
5. Кровь, хлынувшая из его рук, / Залила ему лицо и предплечья. – рассказывая о казни Мансура Халладжа в «Поминании друзей Божиих» и в «Мантик ат-тайр», 'Аттар уточняет, что Халладж стал тереть лицо обрубленными руками, чтобы «нарумяниться» собственной кровью – иначе кто-то мог бы подумать, что это от страха он не был «краснолицым», то есть «радостным», «довольным» (таково переносное значение слова *surx-rūy* – «краснолицый») [Аттар 2007. С. 517]; перевод

жития Халладжа см. в: [Рейснер, Чалисова 1998. С. 152. 'Аттар 1980. С. 335].

6. Зачем ты залил свое тело кровью? – в большинстве мазхабов ислама кровь считается ритуально нечистым веществом. Поэтому и человек, запачканный кровью, считается ритуально нечистым, «*nā-namāzī*», и не может приступить к молитве, пока не совершит ритуальное очищение. См.: [ИЭС. Сл. ст. «Джанаба»; Газали 2002. С. 128–129].

7. Омовение, *vuḏu* – акт очищения, определяющий переход человека от обычного состояния к молитвенному и совершаемый перед молитвой [ИЭС, сл. ст. «Вуду»].

8. Суций – условный перевод *qayūm*, одного из «прекрасных имен Бога» [ИЭС. сл. ст. «ал-Асма' ал-Хусна»]. «Суций благодаря собственной сущности» (*qayūm ba zāt*), т.е. первопричина, чье бытие не нуждается в причине, – один из эпитетов Бога. <...> не боятся порицающих – аллюзия на Коран: «О вы, которые уверовали! Если кто из вас отпадет от своей религии, то... Аллах приведет людей, которых Он любит и которые любят Его, смиренных перед верующими, великих над неверными, которые борются на пути Аллаха и не боятся порицающих. Это – щедрость Аллаха: дарует Он ее, кому пожелает, – ведь Аллах – объемлющий, знающий!» [Коран, 5:59(54)].

9. Как ты сможешь появиться перед [лицом] любви?! – *ba pīš-i 'išq čūn āyi padīdār*, букв.: «Перед любовью как ты станешь явленным?!»

10. Бертельс 1962. С. 230.

11. Худжвири 2004. С. 256.

12. Подобный рассказ есть и в «Саваних фи-л-'ишк» Ахмада Газали: «Рассказывают, что однажды близкие Маджнуна собрались вместе и сказали единоплеменникам Лейли: «Этот человек умрет от любви! Что от вас убудет, если вы позволите ему один раз взглянуть на нее?» Те ответили: «Нам не жалко, но Маджнун не сможет вынести [ее вида]». Маджнуна подвели к шатру Лейлы. Но еще не успела показаться ее тень, как Маджнуна уже можно было назвать безумцем. Те сказали: «Мы же говорили, что он не сможет вынести ее вида» [Газали 1989. С. 90].

13. «Этот «даль» сулил одни лишь беды», *Nabūd ān dāl juz dāllun 'ala aš-šarr*, букв. «Этот «даль» не указывал ни на что, кроме как на зло (или: «на смуты)». В бейте обыгрываются два значения слова *dāl*: название десятой буквы арабского алфавита, имеющей изогнутую форму: د, и «указывающий», «свидетельствующий».

14. Джазм – арабский грамматический термин: «остановка», усечение конечного гласного, обозначаемый графически знаком *sukūn* – маленьким кружком над соответствующей буквой: َ . Тот джазм был вакфом двадцати девяти харфам. – Вакф – пожертвование и одновременно знак паузы, остановки при чтении, обозначаемый тем же знаком сукун. Харф – буква или звук. Традиционная арабская грамматика насчитывает в арабском языке 28 букв, но 29 звуков.

15. Двадцать девять харфов не умещались в крошечном ротике красавца и выходили наружу в виде «письмен» – пушка на его щеках.

16. Намек на обычай вдевать рабу в ухо кольцо с обозначенным на нем именем хозяина.

17. Смысл бейта: тот, кто убит возлюбленным, останется вечно живым.

18. Сердце – в ориг. *sirr* – «тайна», сокровенная глубина, «тайник» сердца.

19. Любовная игра, *'išq-bāzī*, в суфизме означает любование прекрасным созданием (любого пола) и готовность пожертвовать всем ради любви. Ср. б. 2197.

20. Шейх Нури – Абу-л-Хасан, или Абу-л-Хусайн Нури (ум. в 295/907 г.), багдадский мистик, прославленный своей любовью к Богу. Подробнее см. [Кныш 2004. С. 68–72].

21. По трактовке Х. Риттера, слепец просил милостыню [Риттер 1978. С. 214]. В арабских источниках слепец поет любовный стих, Нури начинает в экстазе танцевать и попадает в тростниковое поле [Риттер 1978. С. 514; Кныш 2004. С. 72].

Буквальный перевод бейта: «Был [некто] с закрытыми глазами на пути, / который, раскрывая уста, говорил: “Аллах”. Ш. Кадкани видит здесь аллюзию на коранический аят: «Мы устроили перед ними преграду и позади их преграду и закрыли их, и они не видят» [Коран 36:8(9)]. В персидских переводах Корана речь здесь идет о «завесе на глазах». Возможно, что бейт – а значит, вся история – имеет второй план: «Идущий по дороге с закрытыми глазами» может одновременно означать духовного слепца, не понимающего внутреннего смысла произносимых слов. На это же намекает слово *samā'* в б. 2195 (см. соотв. примеч.). История приводится 'Аттаром и в «Поминании друзей божиих» ['Аттар 2007. С. 413].

22. Впал в исступление – *čū bī-xwīš šud*.

23. Слушать пение тростника – *samā'-yi nai šunūdan*. *Samā'*, в букв. знач. «слушание» и «пение», означает также ритуальное радение дервишей, сопровождавшееся музыкой, пением, декламацией любовных стихов, специальными движениями. Таким образом дервиши стремились достигнуть состояния экстаза, обретения свободы от собственного «я». Практика *samā'* осуждалась не только традиционалистами, но вызывала серьезные разногласия и среди самих суфиев, так же как и практика «созерцания прекрасных юношей», см. ниже. Из рассказов 'Аттара очевидно, что для него допустимость того и другого зависит от степени чистоты сердца и готовности отдать – «проиграть» – свою душу/жизнь.

Бейт о пении тростника напоминает о «Най-наме» – начале знаменитого «Духовного маснави» Джалал ад-Дина Руми.

24. Отдашь свою жизнь, в ориг. *jān-bāz bāšī*, букв. «будешь игроком на жизнь».

25. В «Поминании друзей божиих» эта история рассказывается со слов Мухаммада 'Абд-Аллаха ибн ал-Хафифа: «Был я в какой-то год в Руме. Однажды я пошел в степь. Туда привели какого-то монаха, [худого] словно призрак, сожгли его и приложили пепел к глазам слепцов. Силою Божией (возвышен Он!) они прозрели. И больные вкушали и исцелялись. Я удивился: ведь их вера – ложная, как же это может быть?! Увидел я во сне Мустафу (да благословит его Бог и приветствует!) и спросил его: “О посланник Божий! Что это такое?” Он изрек: “Это – действие искренности и подвижнических деяний (*riyāzāt*), хоть и в ложной [вере]”. А будь они в истинной, каково бы оно было?!» ['Аттар 2007. С. 500].

26. Абу-л-Касим Хамадани (Хамаданский) – Абу-л-Касим Хамадани – очевидно, имеется в виду Абу-л-Касим Йусуф б. Мухаммад б. Йусуф б. Хасан Хамадани 534/1140 (ум. в), проповедник и знаток хадисов (мухаддис) XI в.

27. Христианин, *tarsā*, букв. «боящийся [Бога]», персидский эквивалент арабского *ruhbān* (см. «Рассказ о монахе и шейхе Абу-л-Касиме» [См. также «Рассказ о монахе и шейхе Абу-л-Касиме» в [Ирано-Славика 2012. №1-2(24). С. 10]. Так же как и в рассказе о трех путниках [Ирано-Славика. М., 2006. №1(190, с. 21], здесь очевидно туманное представление о христианстве, трактовка его как «идолопоклонства».

28. Сам не свой, *bī xwīš (bi xwīš)* – в обморочном состоянии, в состоянии самозабвения.

29. Или: «Бога своего я люблю».

30. Чаша головы – устойчивая метафора для черепа.

31. Гермафродит, *muxannaṣ* (в другом значении «пассивный гомосексуалист») в лексиконе 'Аттара означает «нестойкий, не верный избранному пути человек».